

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТ

Вошел к парикмахеру, сказал – спокойный:
«Будьте добры, причешите мне уши».
Гладкий парикмахер сразу стал хвойный,
лицо вытянулось, как у груши.
«Сумасшедший!
Рыжий!» –
запрыгали слова.
Ругань металась от писка до писка,
и до-о-о-о-лго
хихикала чья-то голова,
выдергиваясь из толпы, как старая редиска.
НАТЕ!
Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я – бесценных слов мот и транжир.
Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.
Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоглавая вошь.
А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я – бесценных слов транжир и мот.
А ВСЕ-ТАКИ
Улица провалилась, как нос сифилитика.
Река – сладострастье, растекшееся в слюни.
Отбросив белье до последнего листика,
сады похабно развалились в июне.
Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людям страшно – у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.
Но меня не осудят, но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти, провалившиеся носами, знают:
я – ваш поэт.
Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут богу в свое оправдание.
И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова – судороги, слипшиеся комом;
и побежит по небу с моими стихами подмышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.
ЕЩЕ ПЕТЕРБУРГ
В ушах обрывки теплого бала,
а с севера – снега седей –
туман, с кровожадным лицом каннибала,
жевал невкусных людей.
Часы нависали, как грубая брань,
за пятым навис шестой.
А с неба смотрела какая-то дрянь
величественно, как Лев Толстой.
КОФТА ФАТА
Я сошью себе черные штаны

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
из бархата голоса моего
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.
Пусть земля кричит, в покое обабившись:
«Ты зеленые весны идешь насиловать!»
я брошу солнцу, нагло ослабившись:
«На глади асфальта мне хорошо грассировать!»
Не потому ли, что небо голубо,
а земля мне любовница в этой праздничной чистке,
я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо,
и острые и нужные, как зубочистки!
Женщины, любящие мое мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня, как на брата,
закидайте улыбками меня, поэта, –
я цветами нашу их мне на кофту фата!
ПОСЛУШАЙТЕ!
Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти ллевóчки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!
ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА
«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
И на площадь, мрачно очерченную черною,
багровой крови пролилась струя!
Морду в кровь разбила кофейня,
зверьем криком багрима:
«Отравим кровью игры Рейна!
Громáми ядер на мрамор Рима!»
С неба, изодранного о штыков жала,
слёзы звезд просеивались, как мукá в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
«Ах, пустите, пустите, пустите!»
Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: «Раскуйте, и мы поедем!»
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось к убийце – победе.
Громоздящемуся городу урёдился во сне
хочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
сочными клочьями человеческого мяса.

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены.
«Постойте, шашки о шелк кокоток
вытрем, вытрем в бульварах вены!»
Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.

МЫСЛИ В ПРИЗЫВ

Войне ли думать:

«Некрасиво в шраме»?

Ей ли жалеть

городов гиль?

Как хороший игрок,

раскидала шарами

смерть черепа

в лузы могил.

Горит материк

Страны – на нет.

Прилизанная

треплется мира челка.

Слышите?

Хорошо?

Почище кастаньет.

Это вам не на счетах щелкать.

А мне не жалко.

Лица не выгрущу.

Пусть

из нежного

делают казакá.

Посланный

на выучку новому игрищу,

вернется

облеченный в новый закал.

Была душа поэтами рыта.

Сияющий говорит о любом.

Сердце –

с длинноволосыми открыток

благороднейший альбом.

А теперь

попробуй.

Сунь ему «Анатэм».

В норах мистики вели ему мышиться.

Теперь

у него

душа канатом,

и хоть гвоздь вбивай ей –

каждая мышца.

Ему ли

ныть

в квартирной яме?

А такая

нравится манера вам:

нежность

из памяти

вырвать с корнями,

головы скрутить орущим нервам.

Туда!

В мировую кузню,

в ремонт.

Вернетесь.

О новой поведая Спарте я.

А слабым

смерть,

маркер времен,

ори:

«Партия!»

МАМА И УБИТЫЙ НЕМЦАМИ ВЕЧЕР

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

По черным улицам белые матери
судорожно простерлись, как по гробу глазет.
Вплакались в оружии о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»

Письмо.

Мама, громче!

Дым.

Дым.

Дым еще!

Что вы мямлите, мама, мне?

Видите –

весь воздух вымощен
громыхающим под ядрами камнем!

Ма – а – а – ма!

Сейчас притащили израненный вечер.

Крепился долго,

кургузый,

шершавый,

и вдруг, –

надломивши тучные плечи,
расплакался, бедный, на шее Варшавы.

Звезды в платочках из синего ситца
визжали:

«Убит,

дорогой,

дорогой мой!»

И глаз новолуния страшно косится
на мертвый кулак с зажатой обоймой.

Сбежались смотреть литовские села,

как, поцелуем в обрубок вкована,

слезя золотые глаза костелов,

пальцы улиц ломала Ковна.

А вечер кричит,

безногий,

безрукий:

«Неправда, я еще могу-с –

хе! –

выбряцав шпоры в горячей мазурке,

выкрутить русский ус!»

Звонок.

Что вы,

мама?

Белая, белая, как на гробе глазет.

«Оставьте!

О нем это,

об убитом, телеграмма.

Ах, закройте,

закройте глаза газет!»

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Скрипка издергалась, упрашивая,

и вдруг разревелась,

так по-детски,

что барабан не выдержал:

«Хорошо, хорошо, хорошо!»

А сам – устал,

не дослушал скрипкиной речи,

шмыгнул на горящий Кузнецкий

и ушел.

Оркестр чужо смотрел, как

выплакивалась скрипка

без слов,

без такта,

и только где-то

глупая тарелка

вылязгивала:

«Что это?»

«Как это?»

А когда геликон –

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
меднорожий,
потный,
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» –
Я встал,
шатаюсь полз через ноты,
сгибающиеся под ужасом пюпитры,
зачем-то крикнул:
«Боже!»
Бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору –
а доказать ничего не умею!»
Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне – наплевать!
Я – хороший.
«Знаете что, скрипка?
Давайте –
будем жить вместе!
А?»

Комментарии

Ничего не понимают. Впервые, под заглавием «Пробиваясь кулаками» – сб. «Рыкающий Парнас», Пг., 1914.

Маяковский, продолжая тему «поэт и толпа», выражает свое презрение и ненависть к «чистой публике», «пробивая кулаками» нового искусства дорогу к будущему.

Нате! Впервые – сб. «Рыкающий Парнас», Пг., 1914.

Это первое обличительно-публицистическое стихотворение, гневный вызов толпе «жирных». Поэтические образы яркие, метафоры и сравнения полны уничтожающего сарказма. Тема стихотворения – «Поэт и толпа», традиционная тема русской литературы от Пушкина («Поэту», «Поэт», «Поэт и толпа») до Брюсова («Довольным») и Блока («Сытые»), от Лермонтова («Как часто, пестрою толпою окружен...») до Маяковского. По своему накалу стихотворение «Нате!» ближе к лермонтовским стихам:

О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..
По-своему продолжая и развивая тему неприятия буржуазно-мещанской действительности, Маяковский в новых исторических условиях вскоре бросит в «обрюзгшее жиром» лицо озверелой толпы свой «железный стих»:

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут,
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.
(«Облако в штанах»)
«Окровавленный сердца лоскут» – здесь символ красного знамени.

Характерно, что еще Брюсов (1905), высказывая опасения за судьбы искусства в революции, спрашивал: «Где вы, грядущие гунны?» Маяковский, «принимая эстафету» от Брюсова, называет себя «грубым гунном». Брюсовское будущее («Бесследно все сгинет, быть может, что ведомо было одним нам, но вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном») было неприемлемо для Маяковского, прошедшего школу практической революционной борьбы. Поэтому образ «грубого гунна», восходящий к Брюсову, несет в себе заряд полемической иронии. Маяковский уже в ранних стихах, вступая в бой с капиталистическим обществом, все теснее связывал

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru задачи поэзии и революции.

Ирония в «Нате!» строится на противопоставлении «грубого гунна» (в первой публикации – «неотесанный гунн»), открывшего «столько стихов шкатулок» «утонченной» публике, смотрящей «устрицей из раковин вещей», оцетинившейся при виде «Гунна», как «стоглавая вошь».

Буржуазная толпа не осталась глуха к выступлению Маяковского. «Московская газета» сообщала об ошеломляющем воздействии, которое произвело чтение «Нате!» поэтом: «...Публика пришла в ярость. Послышались оглушительные свистки, крики «долой». Маяковский был непоколебимым. Продолжал в том же стиле».

«Долой ваш строй» – становится главным лейтмотивом Маяковского и найдет свою программную законченность во всеобщей атаке на самодержавно-капиталистический строй в «Облаке в штанах».

А все-таки. Впервые, под заглавием «Еще я», без третьего четверостишия, – «Первый журнал русских футуристов», М., 1914, № 1-2.

В этом стихотворении поэт употребляет много вульгаризмов, чтобы резче выразить и заклеить гнусную действительность царской России.

Еще Петербург. Впервые, под заглавием «Утро Петербурга». – «Первый журнал русских футуристов», М., 1914, № 1-2.

Кофта фата. Впервые, без заглавия, – «Первый журнал русских футуристов», М., 1914, № 1-2.

Би-ба-бо – кукла, надеваемая на руку.

Послушайте! Впервые, без заглавия, – «Первый журнал русских футуристов», М., 1914, № 1-2.

«Послушайте!» – одно из лучших лирических стихотворений, в котором утверждается право на высокое предназначение человека. Это – взволнованное обращение к читателю-другу, разговор о безграничной «звездной» возможности человека. Не случайно поэтому позднее Маяковский признается: «Если б я поэтом не был, я бы стал бы звездочетом». Обостренное ощущение красоты мироздания, космоса, свойственное Маяковскому, не заслоняет главную ценность – человека. Звездность ночного неба, далекого от человеческой «беззвездной муки», по мысли Маяковского, необходима, как творческий процесс – источник человеческой радости.

Война объявлена. Впервые – журн. «Новая жизнь», М., 1914, № 8.

Написано в июле 1914 года, сразу же после объявления войны.

Поэт в противовес шовинистическому угару, охватившему буржуазную интеллигенцию, выступает в стихотворении с прямым протестом против войны. Маяковский читал это стихотворение 21 июля 1914 года на митинге у памятника Скобелеву в Москве.

Мысли в призыв. Впервые – кн. «Все сочиненное Владимиром Маяковским (1909–1919)», Пг., изд. «ИМО», 1919.

Стихотворение написано предположительно в 1914 году.

«Анатэма» – мистическая пьеса Леонида Андреева.

Мама и убитый немцами вечер. Впервые – газ. «Новь», М., 1914, 20 ноября.

В автобиографическом очерке «Я сам» в главе «Зима» Маяковский, вспоминая время создания этого стихотворения, отмечал: «Отвращение и ненависть к войне: «Ах,

Стихотворения (1914). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru закройте, закройте глаза газет» и другие».

Глазет – сорт парчи, употреблявшейся для обивки и покрытия гробов.

Ковна – в настоящее время город Каунас (Литовская ССР).

Скрипка и немножко нервно. Впервые – журн. «Театр в карикатурах», М., 1914, № 18.

В. Макаров.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!